

Кандинский защитил Калло

Выставка Жака Калло, открытая в эти дни на Волхонке, не осталась незамеченной теми, кто обычно берется писать об искусстве. Оно и понятно: рисовальщик и гравер, чье имя прочно связано с понятием «французская школа» и чьи офорты, созданные в начале XVII столетия, вдохновляли Рембрандта и даже были для него предметом коллекционирования и подражания, традиционно пользуются вниманием. Тем более для нынешней экспозиции устроителями отринуты изображения всяческих ужасов войны, и название выставке дано вполне поэтическое: «Весь мир — театр...»

Вопрос — в качестве такого внимания. Например, один журнал — назовем его хоть А — поместил заметку собственного обозревателя, высказавшего догадку, что, мол, коллекция офортов Калло в ГМИИ настолько ничтожна, что «пришлось под видом дизайна развесить на стенах принты». Казалось бы, чего проще: обратиться за консультацией в музейный отдел графики, поговорить с куратором проекта Натальей Веденеевой. Или заглянуть в каталог выставки, взять в руки фундаментальный том «Искусство офорта», изданный ГМИИ по случаю одноименной экспозиции, состоявшейся минувшей осенью. В конце концов, сходить на саму выставку, о которой пишешь, чтобы убедиться: «принты» — вернее сказать, укрупненные до человеческого роста и помещенные на белый фон фигуры персонажей многочисленных офортов Калло — висят вовсе не по стенам, а в центре зала. И, следовательно, никак не заменяют экспонаты, в изобилии перекочевавшие в музей в 1924 году из коллекции Румянцевского музея.

Факты — вещь скучная, а расхожее сообщение «ну что хорошего может быть в наших музеях» оказывается настолько привлекательным, что истинное положение дел не может с ним конкурировать. Тут ли думать о введенных в заблуждение читателей! С нынешней «театральной» выставкой Калло вообще не повезло. Другой автор — допустим, Х — от лица уважаемого ежедневного издания обрушился на рембрандтовского любимца с «разбором» его профессиональных достоинств. Мол, и фигуры нарисованы как-то не очень, и, вообще, сомнительный в масштабе вечности персонаж. «Я ожидала какой угодно реакции на нашу выставку, — растерянно говорит Веденеева, — но только не критики самого Калло, жившего столетия назад». Глядя под определенным углом, и живопись Возрождения можно посчитать воплощением массового творческого кризиса: художники той поры искали главное содержание искусства в анатомических знаниях и высоком ремесле, а не во внутреннем мире творца. И если Калло «не умеет рисовать», то что тогда делать с Шагалом? Путь арт-критических претензий к ремесленным навыкам большого художника многовековой давности не столько даже губителен для обеих сторон, сколько смехотворен. В сущности, сюжет довольно давно описан российским баснописцем в бессмертном произведении «Слон и Моська».

Приведу обширную цитату, потому что лучше не скажешь. Не новую, из статьи «Критика критиков», в 1901 году написанной художником Василием Кандинским в ответ на серию критических газетных статей в его адрес. «Во всякого рода деле обыкновенно выслушиваются и принимаются к сведению отзывы лишь тех лиц, которым это дело знакомо лишь практически или теоретически, так называемых специалистов. Почетное исключение сделано лишь для искусства и литературы; именно в их области всякий желающий может громко, веско, авторитетно, именно с «grimасой мудреца», провозглашать: «Вот это — прекрасно, а это — никуда не годится». Всякий желающий видеть свои «сочинения» в печати и получить за них гонорар берется за перо и пишет все, что ему Бог на душу положит. И его сочинения читаются, и его самого зовут критиком». О требованиях, предъявляемых к истинным художественным критикам, Кандинский говорит следующее: «Эти люди должны: 1) уметь найти ценное в работе того или другого художника и 2) указать это ценное другим — открыть слепым глаза. Понятно, что для выполнения уже первой задачи надо обладать особо острым художественным чутьем, нужно иметь особые глаза, уловляющие особую, благородную, а не пошлую рыночную красоту, особые нервы, которые способны созвучать лишь истинно прекрасному».

С Калло картина иная — но тут, мне кажется, есть что-то даже личное. Может, юношу Х еще в детстве что-то испугало в тридцатом первом музейном зале, а возможно, не любит он выставок, к которым причастна искусствовед Веденеева. Во всяком случае, предыдущая экспозиция, сделанная ею же и в том же музейном пространстве на совершенно другом материале, подверглась примерно тем же нападкам. Интересно проверить гипотезу: очередная смена экспозиции здесь случится в середине апреля. Чем выставка более прочувствована устроителями, тем беззащитнее она перед случайными остроумцами, даже и не пытающимися вникнуть в суть кураторских замыслов и творчество экспонентов. Стоило ли «развешивать» Калло в ситуации, когда миллионы сограждан и тысячи читателей газет и журналов слыхом не слыхивали этого имени? Может, правильнее было им о нем внятно рассказать?

В советской еще жизни была такая популярная газетная рубрика «Если бы директором был я». Так вот, вношу предложение: на время, допустим, следующего сезона распределить всевозможных арт-критиков по галереям и прочим выставочным площадкам — в качестве подмастерьев, для повышения квалификации. Чтобы прочувствовали, по каким законам на самом деле складываются экспозиции, как выглядят музейные «акты временной выдачи экспонатов», что такое «поставить свет» и «обеспечить температурно-влажностный режим». Если повезет, можно будет что-то узнать и о реалиях арт-рынка... Впрочем, такая перспектива — скорее всего утопия.

Газета - 2004 - 13 февр - с 13